

Былины о русских богатырях: Василий Игнатьевич и Батыга

Как из далеча было из чиста поля,
Из под белые березки кудревастью,
Из под того ли с под кустичка ракитова,
А и выходила то турица златорогая,
И выходила то турица со турятами,
А и расходилися туры да во чистом поли,
Во чистом поле туры да со турицею.
А и случилось турам да мимо Киев град идти,
А и видели над Киевом чудным чудно,
Видели над Киевом дивным дивно:
По той по стене по городови
Ходит девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не только читает, да вдвои плачет.
А тому чуду туры удивились,
В чистое поле возвратились,
Сошлись, со турицей поздоровкались:
«А ты здравствуешь, турица, наша матушка!» –
«Ай здравствуйте, туры да малы детушки!
А где вы, туры, были, что вы видели?» –
«Ай же ты, турица, наша матушка!
А и были мы, туры, да во чистом поли,
А случилось нам, турам, да мимо Киев град идти,
А и видели над Киевом чудным чудно,
А и видели над Киевом дивным дивно:
А по той стене по городови
Ходит то девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не столько читает, да вдвои плачет».
Говорит то ведь турица, родна матушка:
«Ай же вы, туры да малы детушки!
А и не девица плачет, – да стена плачет,
А и стена та плачет городовая,
А она ведает незгодушку над Киевом,
А и она ведает незгодушку великую».
А из под той ли страны да с под восточныя
А наезжал ли Батыга сын Сергеевич,
А он с сыном со Батыгой со Батыговичем,
А он с зятем Тараканчиком Корабликовым,
А он со черным дьячком да со выдумщиком.
А и у Батыги то силы сорок тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорок тысячей,
А у зятя Тараканчика силы сорок тысячей,

Былина загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А у черного дьячка, дьячка выдумщика,

А той ли той да силы счету нет,

А той ли той да силы да ведь смету нет:

Соколу будет лететь да на меженный долгий день,

А малою то птичке не облететь.

Становилась тая сила во чистом поли.

А по греху ли то тогда да учинилося,

А и богатырей во Киеве не лучилося:

Святополк богатырь на Святых на горах,

А и молодой Добрыня во чистом поли,

А Алешка Попович в богомольной стороны,

А Самсон да Илья у синя моря.

А случилась во Киеве голь кабацкая,

А по имени Василий сын Игнатъевич.

А двенадцать годов по кабакам он гулял,

Пропил, промотал все житье бытие свое,

А и пропил Василий коня доброго,

А с той ли то уздицей тесмяною,

С тем седлом да со черкасским,

А триста он стрелочек в залог отдал.

А со похмелья у Василья головка болит,

С перепоею у Василья ретиво сердце щемит,

И нечим у Василья опохмелиться.

А берет то Василий да свой тугой лук,

Этот тугой лук, Васильюшко, разрывчатый,

Налагает ведь он стрелочку каленую,

А и выходит то Василий вон из Киева;

А стрелил то Василий да по тем шатрам,

А и по тем шатрам Василий по полотняным,

А и убил то Василий три головушки,

Три головушки Василий, три хорошеньких:

А убил сына Батыгу Батыговича,

А убил зятя Тараканчика Корабликова,

А убил черного дьячка, дьячка выдумщика.

И это скоро то Василий поворот держал

А и во стольный во славный во Киев град,

А это тут Батыга сын Сергеевич,

А посылает то Батыга да скорых послов,

Скорых послов Батыга виноватого искать.

А и приходили то солдаты каравульные,

Находили то Василья в кабаки на печи,

Проводили то Василья ко Батыге на лицо.

А и Василий от Батыге извиняется,

Низко Василий поклоняется:

«Ай прости меня, Батыга, во такой большой вины!

А убил я три головки хорошеньких,

Былина загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Хорошеньких головки, что ни лучшеньких:

Убил сына Батыгу Батыговича,

Убил зятя Тараканчика Корабликова,

Убил черного дьячка, дьячка выдумщика.

А со похмелья у меня теперь головка болит,

А с перепоею у меня да ретиво сердцо щемит,

А опохмель ка меня да чарой винною,

А выкупи ка мне да коня доброго

С той ли то уздицей тесмяною,

А с тем седлом да со черкасским,

А триста еще стрелочек каленых;

Еще дай ка мне ка силы сорок тысячей,

Пособлю взять пленить да теперь Киев град.

А знаю я воротца незаперты,

А незаперты воротца, незаложенные

А во славный во стольный во Киев трад».

А на те лясы Батыга приукинулся,

А выкупил ему да коня доброго,

А с той ли то уздицей тесмяною,

А с тем седлом да со черкасским,

А триста то стрелочек каленых.

А наливает ему чару зелена вина,

А наливает то другую пива пьяного,

А наливает то он третью меду сладкого;

А слил то эти чары в едино место,

Стала мерой эта чара полтора ведра,

Стала весом эта чара полтора пуда.

А принимал Василий единою рукой,

Выпивает то Василий на единый дух,

А крутешенько Василий поворачивалсе,

Веселешенько Василий поговариваё:

«Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,

Я могу теперь, Батыга, во чистом поле гулять,

Я могу теперь, Батыга, вострой сабелькой махать».

И дал ему силы сорок тысящей.

А выезжал Василий во чисто поле,

А за ты эты за лесушки за темные,

А за ты эты за горы за высокие,

А это начал он по силушке поезживати,

И это начал ведь он силушку порубливати,

И он прибил, прирубил до единой головы.

Скоро тут Василий поворот держал.

А приезжает тут Василий ко Батыге на лицо,

А и с добра коня Васильюшка спускается,

А низко Василий поклоняется,

Былина загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сам же он Батыге извиняется:

«Ай, прости ко ты, Батыга, во такой большой вины!

Потерял я ведь силы сорок тысящей.

А со похмелья у меня теперь головка болит,

С перепою у меня да ретиво сердце щемит,

Помутились у меня да очи ясные,

А подрожало у меня да ретиво сердце.

А опохмель ка ты меня да чарой винною,

А дай ка ты силы сорок тысящей,

Пособлю взять пленить да я Киев град».

А на ты лясы Батыга приукинулся,

Наливает ведь он чару зелена вина,

Наливает он другую пива пьяного,

Наливает ведь он третью меду сладкого;

Слил эти чары в едино место,

Стала мерой эта чара полтора ведра,

Стала весом эта чара полтора пуда.

А принимал Василий единою рукой,

А выпивал Василий на единый дух,

А и крутешенько Василий поворачивалсе,

Веселешенько Василий поговаривае:

«Ай же ты, Батыга сын Сергиевич!

Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,

Я могу теперь, Батыга, во чистом поле гулять,

Я могу теперь, Батыга, острой сабелькой махать».

А дал ему силы сорок тысящей.

А садился Василий на добра коня,

А выезжал Василий во чисто поле,

А за ты эты за лесушки за темные,

А за ты эты за горы за высокие,

И это начал он по силушке поезживати,

И это начал ведь он силушки порубливати,

И он прибил, прирубил до единой головы.

А разгорелось у Василья ретиво сердце,

А и размахалась у Василья ручка правая,

А и приезжает то Василий ко Батыге на лицо,

И это начал он по силушке поезживати,

И это начал ведь он силушку порубливати,

А он прибил, прирубил до единой головы.

А и тот ли Батыга на уход пошел,

А и бежит то Батыга, запинается,

Запинается Батыга, заклинается:

«Не дай Боже, не дай Бог да не дай детям моим,

Не дай дитям моим да моим внучатам

А во Киеве бывать да ведь Киева видать!»

Ай чистые поля были ко Опскову,

Былина загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А широки раздольица ко Киеву,
А высокие ты горы Сорочинские,
А церковно то строенье в каменной Москвы,
Колокольный от звон да в Нове городе.
А и тертые калачики валдайские,
А и щاپливы щеголихи в Ярославе городи,
А дешёвы поцелуи в Белозерской стороне,
А сладки напитки во Питере.
А мхи ты, болота ко синю морю,
А щельё каменьё ко сиверику,
А широки подолы пудожаночки,
А и дублёны сарафаны по Онеге по реки,
Толстобрюхие бабенки лешмозёрочки,
А и пучеглазые бабенки пошозёрочки.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да боле петь вперед не знай.

Источник: Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4 е. В 3 х тт. М. – Л., 1949, т. 1. №60.